...СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва
21 ИЮН 1960

В ПОИСКАХ ОБРАЗНОСТИ

В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ семье советского искусства Театр им. Сундукяна отмечен «лицом не обшим выражением», особым склоном ярких выражений национального быта в высокой поэтичности, исходящей корнями в этот быт. Не вдаваясь подробностей, их множество, от психологической правды характеров, театр стремится к максимальной обобщенности, к многолетнему живописным поиска. Для него характерны пластика мизансцен, русский колорит, в котором фреска светотени выхватывает главные фигуры им самобытной массы, выдвигается на передний план закономерность внутренней жизни и внешнего действования, сочность интонации. В изучении этого характера, особенно тех, где царовитые актеры сменны внедрению таланты главного режиссера Вардана Адаяна, театр проявляет широкое понимание реализма как многосторонности и широту воспроизведения жизни в художественных образах.

В искусстве армянского театра покоряет свобода влияния формой. Это очень дорогое свойство, оно позволяет театру вопрошуждению и впечатляюще передавать содержание пьесы, как непосредственно жизнь из жизни. Отсюда возникает та подлинная театральность, в которой равенство существенности жизни и правда искусства, правда не лишает возможности выполнить театр как «школьную жизнь», но и не отказывает ему в удовольствии чувствовать себя, как в театре. Здесь внешняя сторона работы актеров часть образному обобщению, жизнь становится энергическому месту, «психологическая щепотка — полноэзычной речи».

СПОСОБНОСТЬ театра свободно выявлять содержание в необходимой форме порождает смелость в решении многих сцен. Как бучу чет на изображение в форме сценической инсценировки «Хлоса», в искусственно застывшей группе действующих лиц, отмечающих смерти индивидуума Маркос Аллиния. Но с какой впечатляющей силой в ней передана и в трагедии выявлена та всеобщетвенная собственности мир людских и денежных, которая делает неизменные страсти до пароксизма.

Сходная с самого начала смешанная обрастает постепенно до ненависть, театр усиливает нравственную подобу героя, сумевшего вырваться из «ямы», где ему грозит, не дорастет создать «перспективу роли» Михаэла превосходному актеру В. Нерсесяну.

С неменьшей образной силой выявляет театр и новые общественные отношения, складывающиеся в армении под влиянием социалистической революции. Подчеркивая острую классовую столкновение интересной пьесе Тургена Бояна «Под одной крышей», театр создал ряд образов, отличающихся внешней сдержанностью и богатством внутреннего движения.

Героем спектакля присущи страсть и стремлений к новой жизни в селе. Но сама эта страстность, как художественный образ, лишена крайности, выразительной, подобно миру, расположенному на два лагеря, не непримиримости, а сложности и тонкости, в отличие Ярем (А. Аветисян), и поручик Геворк (В. Нерсесян). Но это лишь внешняя, призрачной тени, истерическая ощущения недостаемости цели. Сознание же сверхмощности, ответность в революционерах. Не только воспитывает побуждает Арутюн (Д. Малян) — ему не нужно лишних людях. Уверенность в правотелической и исторической «власть» не в поединке перед ним, а в сознании, в главном, главном, ощущения своей неразрывности, неразделимости с народом создают спокойствие, внешняя сдержанный и потенциальный характер.

Этот мотив находит образное решение и в отдельных фигурах спектакля, и в сценах ряда картин, из которых дом-комнату, в которой сидят столом и доме Саронян, когда в красноречивом молчании стекленеет Арташес — с жуждествовавшим в ней — Ярем — с дыхнувшим в ненависти Сурмалян (А. Адамян), — эта сверхмощность и сверхсдержанность находит выход в открытом выходе героев.

Непреодолимое движение к новой жизни сообщает выразительность фигуре деда Артена, созданной Гр. Нерсесяном. Древнему деду Артену мы высоко ценим свойства его народный юмор и народный гнев. Покажем он принадлежит к поколению: отчего стал так лет перевесить земной шар? На самом деле Артен видит, вместо сидения в кресле — мировоззрение. Сам облегчение, но и в той комнате. Но принадлежит гнев — гнев не потолного гостя — американского окупанта, вызывая бурные аплодисменты зрителей. Прекрасная работа! Замечательный артист, в котором тепий армянского народного юмора выражена сила, мощная природу в художественном мире.

Способность театра находить народную форму для данной пьесы подтверждается сценическим спектаклем «Под одной крышей» с постановкой Ашота Ф. Аравсяна и «Фонд» в пьесе (режиссер Гр. Капланян). Их сближают время действия, характер конфликта, различные выразительных средств: развитие пьесы сюжетом и жанровой трактовки.

Пьеса Аравсяна далека от сценичности, но она весьма правдивая свой нравственной чистотой, лирико-драматической взволнованностью, изяществом чувств и определенностью отношений, а также музыкальной напевностью действия и слога. Этим положительным свойствам произведения нашли точную сценическую форму и режиссер, и художник, и исполнители ряда ролей. В драме Аравсяна театр преобразяется, совершенно иными становятся его принципы мизансценировки, и характер оформления, и манера игры. Реалистически проработанный интерьер спектакля «Под одной крышей» (художник Саркис Арутчян) сменяется здесь обобщенной конструкцией, создающей интерьер с экстерьером (художник Г. Мекинян), Мимика и жест становятся более пластичными, приобретают способностью выражать неосознанность, скажу которую вдруг прорывается романтическая мечтательность, которая и неначистит. Так решены сцены Назар (М. Симонян) и Парулёа (В. Аджамян). Так играет роль на театре А. Асрян.

«Ярем» пьесы «Дед Бояна» — Г. Жамгочян. Рис. Г. Сагдеева.

ТЕАТР им. Сундукяна не только выдвигает способностью зрителя, драматурга и актера, сценического изучения, дерзкие — на основе романтики — до вдохновения, но умеет найти наиболее соответствие и в комедии. Легко, непринужденно, всякую разыгрывается классическое произведение А. Пароняна «Батасер изнар». Много лет я сказал вы пьеса с армянской сцены, но старожилы считают сохраненную редакцию спектакля (постановка В. Андиасяна) одной из лучших. Трудно перечислить удачные сцены в этом спектакле. Как правильно сказано о актерах Гр. Нерсесяне, вторном не с второй, и с второй интонаторной [illegible] — [illegible] дядя Бардасера. Так и кажется, что в присутствии Нерсесяна — Бардасера все остальные одержимые артисты становятся еще более искусными исполнителями. Но почему этот спектакль вызывает действенное ощущение? Почему начинает казаться, что в своем стремлении к простоте жанра театр иногда теряет ощущение его глубины?

Дядюшка Бардасер — не только комическая фигура. У Пароняна чудо-сортировка приметна полосой, а которое поплатет его герой. Это отлично чувствует и передает Гр. Нерсесян. Но самый строй спектакля, комедийно фарсовая манера, в которой ведется розыгрыш Бардасера, — не находится на ней в противоречии с той моралью, с тем выводом, который должен сделать зрительный зал? Не всегда идет выявляется сквозь смешные ситуации, что в основе комедийности и призрачность его самостоятельности в мире, где торгуют не только шерстью, но и совестью, справедливостью, судом, где при помощи денег попирается законность. Так, разве нельзя было поставить и фильму спектакля сгущать эту взяточно-мошенническую манеру с тем, чтобы показать, как фарс, разыгранный «добродетельными» судьями, продажными спидителями и подлыми сговорами, превращается в трагедию человеческой судьбы. Пусть дядюшка Бардасер вовсе и не герой, и маленький, наивный человек, но разве нельзя было в финале этого трагифарса показать, что сумасшедший мой, что в есть то общество, в котором создаются подобные ситуации?

Что это не случайный просчет, можно убедиться и на примере постановки пьесы молодого драматурга Г. Тер-Григорьяна «Весенний дождь». Хотя сюжет этой пьесы сужен до пределов трехэтажной комедии, в ней отношения, которые скрывает от мужа бывшую измену и подвергается цинизму весь появившегося случайного любовника, в ней ощущается стремление поставить большие нравственные проблемы долга и доверия. Нельзя жить рядом с теми, говорит пьеса, кто вольно или невольно злоупотребляет доверием. Нет веры в тех, которые, раз обманув, не могут в ней признать и не признать ошибку.

Конечно, театр же мог перелиться пьесу, сделать ее сжиже более [illegible] [illegible] [illegible]